Вильям Васильевич Похлёбкин
Обстоятельства создания книг

Похлёбкин Вильям Васильевич
Обстоятельства создания книг, посвящённых отдельным продуктам

Сочинения включают материалы, посвящённые отдельным продуктам, их полным «биографиям» или по крайней мере — развернутым характеристикам, начиная от происхождения и кончая использованием в быту.

В результате получается как бы история того или иного пищевого материала, от идеи его создания (как, например, у водки) или от жизни в качестве растения, как, например, у чая и сои, до процесса превращения в полноценный пищевой продукт, находящий широчайшее применение во всём мире.

И хотя работы эти по размеру и методу исследования далеко не равноценны, всех их объединяет то, что читатель узнает историю становления знакомых ему продуктов, и более того, узнает, что именно самые повседневные, самые «рядовые», самые знакомые по употреблению продукты, оказывается, имеют чрезвычайно неизвестную или сложную, долгую историю и более того

— до сих пор остаются загадочными по некоторым своим биохимическим, физическим или же пищевым свойствам.

Работа о чае была вообще первой работой автора в области истории пищевых продуктов. Будучи написана в 1964-1966 гг. и опубликована в 1968 г., она построена на основе многочисленных печатных материалов, посвящённых чаю, как растению, как изделию и как напитку, и изданных по крайней мере в десятке стран, занимающихся производством чая. Большинство этих работ посвящено технологии производства чая, носит крайне специальный характер и представляет меньший интерес для широкого круга читателей. Та же часть моей работы, которая была посвящена приготовлению и применению чая как напитка, носила чисто исследовательский характер и не была совершенно отражена в литературе. Так как у нас в стране не было музея чая и чайные коллекции существовали только при двух чаеразвесочных фабриках, как чисто служебные и закрытые для посторонних лиц отделы, то автору пришлось начать работу над книгой с собирания прежде всего домашней чайной коллекции. Она создавалась в течение более десяти лет, с 1955 г. по 1968 г., причём большую помощь в её пополнении оказали китайские чаеведы из Национальной чайной корпорации, щедро присылавшие по почте различные образцы чаев Китая. Целый ряд образцов был получен также через коллег в Англии и обеих частях Германии — ГДР и ФРГ, а также через посредство скандинавских друзей автора. Советские дипломаты, работавшие в странах Юго— Восточной Азии, помогали собирать образцы редких чаев Камбоджи (синий чай), Таиланда, Индонезии, Вьетнама и Лаоса (поденный и квашеный чай).

Только когда коллекция стала достаточно полной, автор приступил к описанию и тестированию полученного материала. Таким образом, эта часть книги была по своему характеру исследовательской, а не описательной, как биологическая, производственно-техническая и историческая части книги. Именно это обстоятельство послужило причиной популярности книги, но и гонений на неё со стороны части официальной пропаганды. Особенно грубо и резко облаивали автора и его книгу «Чай» в газете «Социалистическая индустрия», где некий журналист, скрывшийся за безликим псевдонимом «Александров», позволял себе самую низкую клевету в адрес автора. Только в начале 90-х годов стало известно, что этот тип, истинная фамилия которого была Марьяновский, служил доносчиком КГБ, втёршимся в среду диссидентов, от которых он узнал, что книга «Чай» пользуется у них популярностью. Собираясь у кого-либо на кухне для обсуждения разных проблем или просто провести время, они, естественно, пили чай, причём при этом штудировали мою книгу о том, как правильно пить чай. Марьяновский решил сделать себе журналистскую карьеру на «разоблачении» книги «Чай», как якобы специально написанной, как камуфляж для

прикрытия диссидентской деятельности. В органы он написал соответствующий донос, подчёркивающий «вредное» политическое и идеологическое значение книги «Чай», а в свою газету — фельетон, где глумился над автором, объявлял книгу «бездарной», «ненужной» советскому читателю, и наигранно возмущался, что издательство потратило бумагу на описание одного, всем известного слова «чай». Результат фельетона в «газете ЦК КПСС», как именовала себя в то время совершенно безликая и презираемая всеми порядочными людьми «Социалистическая индустрия», которую навязывали в подписку, как «нагрузку», был, так сказать, запрограммирован: автора отлучили от науки, закрыли доступ к публикации (на 10 лет!), а главное — воспрепятствовали возможности осуществить защиту докторской диссертации, что автоматически «замуровало» возможность работать в области общественных наук как исследователю-историку и «обрекло» автора на роль исключительно «кулинара». И это была основная цель данной «акции». На автора «тайно», «закулисно» навесили ярлык «диссидента», внесли в «чёрные списки», не объясняя даже причины гонений. Ибо стоило объяснить её, как Марьяновский погорел бы за клевету.

Книгу свою я писал не по поручению «диссидентского центра», а по велению души и сердца и в силу своих знаний. Ни в каких диссидентских и прочих организациях не состоял, ибо вообще люблю индивидуальное творчество и не терплю «организованности» в любой работе, ибо тогда исчезает и объективность и полновесность любого исследования.

Лишь в 1993 г. из интервью в «Литературной газете» писателя— эмигранта Зинника я узнал, что почти все диссиденты, как шестидесятники, так и семидесятники-восьмидесятники, по словам этого писателя, «страшно увлекались книгой Похлёбкина». Увлекались помимо чайного содержания ещё и потому, что «в мире, где всё было пронизано пропагандой идеологии, существовала книга, где эта идеология полностью отсутствовала». Таким образом, диссиденты считали, что нашли нечто вроде отдушины в этой книге. Марьяновский же хотел доказать своим хозяевам, что он «закрывает последнюю отдушину для диссидентов». На самом же деле если кому и «перекрыли кислород» и буквально «заткнули глотку», так это был только автор, кстати, не подозревавший даже своей вины. Акция эта была тем гнуснее, что её «изобретатель» использовал «идеологический предлог» в явно корыстных, личных целях. Кроме того, теперь я вспоминаю, как ко мне подсылали «доброжелателей», готовых связать меня с «андеграундом», но их «сочувствие» было столь пошлым и примитивным, а их настойчивое желание «помочь» мне было столь топорно неприятным, что я просто не пожелал иметь ничего общего с подобными типами. И правильно сделал. Бог, что называется, спас. Угодил бы в кэгэбэшную ловушку.

Самое неприятное во всей этой истории то, что подобные люди не были сметены временем, а, наоборот, очень хорошо устроились и после 1991 г., и после 1993 г., и слывут поныне «самыми ярыми демократами».

Такова небольшая история жизни и «политических» приключений скромной книжечки «Чай» после её выхода в свет в 1968 г.

Что же касается её «чайных» приключений, то они состояли в том, что ей выпало на долю найти симпатии у двух народов, совершенно противоположных по духу, психологии, религии и географическому положению, а также по своему традиционному отношению к чаю вообще.

Её издали почти одновременно татары и поляки в переводе на свои национальные языки, причём в обоих случаях совершенно без ведома автора. Казанское издательство объясняло издание тем, что чай — любимый национальный напиток татарского народа и что знать о нём как можно больше — чуть ли не национальная обязанность каждого уважающего себя татарина.

Варшавское издательство столь же убедительно мотивировало необходимость ознакомить с книжкой поляков — диаметрально противоположными аргументами.

Поляки — самая нечаепьющая нация в мире. Малюсенькой 50— граммовой пачки чая полякам хватает чуть ли не на семью в год. Более того, чай даже чаем не называют, — так — «травка». «Но, — писали рецензенты в газетах „Экспресс вечорни“, „Жице и новоченоощ“ и „Культура“, — каждый пан и каждая панночка должны серьёзно ознакомиться с книжкой „Чай“, чтобы не только изменить своё отношение к „травке“, но и понять, сколь многое мы теряем по незнанию». «Книгу „Чай“ можно смело причислить к книгам будущего!» — заявляла

газета «Культура» от 16 марта 1975 г., обычно очень сдержанная и ироничная в оценке любых писаний, исходивших от авторов из СССР.

Так что для автора книги её счастливая «чайная», профессиональная судьба в какой-то мере компенсировала её грустную «идеолого — политическую» судьбу.

Статьи о гречке и сое появились в связи с конкретной исторической обстановкой, в определённой экономической ситуации.

Так, статья о сое была написана в разгар разговоров о том, что «экономика должна быть экономной». Автор считал подобное обсуждение данной темы в прессе сплошным словоблудием и решил, как бы в противоположность болтовне, написать о том, что и как конкретно может сделать такую отрасль, как пищевая промышленность и общественное питание, по-настоящему экономной и, главное, полезной. Соя была взята как пример того, как разумное, рачительное отношение только к одному продукту может решить многие социальные и снабженческие проблемы.

Хотя пример сои был преподнесён на материале социалистического Китая, а не Запада, и хотя речь шла о выращивании и приготовлении этой бобовой культуры без всякой социальной оценки, но тем не менее вторая часть статьи о сое, дойдя до редакторского стола и даже до гранок, так и не увидела свет: пример трудолюбивых и экономных китайцев был расценен как выпад против разгильдяйства и бестолковости совет ского народа.

Вторая статья — о гречихе и гречке — появилась в критическое лето 1990 г. Её непосредственным поводом было полнейшее исчезновение гречневой крупы из продажи и особое распоряжение Минпищепрома и Минздрава о выдаче этого ценного и редкого продукта исключительно больным диабетом по справкам поликлиник. Получалось, что в стране, стоявшей ещё недавно на первом месте в мире по производству этой крупы, либо очень много больных диабетом, либо очень мало крупы! Эта редчайшая ситуация побуждала автора исследовать, как же на самом деле обстояло дело. Результатом научного расследования явилась статья, опубликованная 22 июня 1990 г. в «Неделе».

Такова обстановка появления кулинарных книг и статей, посвящённых истории различных продуктов. Как заметит читатель, все они были вызваны совершенно определёнными, конкретными потребностями общества.

Это следует учитывать современному читателю, чтобы лучше представить себе обстановку или общественный фон, на котором писалась, воспринималась и читалась та или иная работа. В то же время сами работы в профессиональном плане были построены как объективные исследования и никаких ссылок на актуальность момента не содержат.